

ХРОНОЛОГИЯ ТАРСКОГО БУНТА 1722 ГОДА

(К 400-летию города Тары)

В ЗНАМЕНИТОЙ «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева Тарскому бунту 1722 года уделено всего несколько строк. И не потому, что историк недооценил событие. Причина в том, что основное дело из Преображенского приказа не сохранилось и материалы следствия по Тарскому бунту были неизвестны. И лишь двадцать лет назад новосибирский историк Н. Н. Покровский обнаружил в ЦГАДА копиями дело о тарских событиях. По следам его публикаций я и собирал материалы в архивах для романа «Отпор» (1990) о Тарском бунте. В связи с юбилеем города хотелось бы напомнить основные вехи этого события.

5 февраля 1722 года Петр Первый, оставшийся к этому времени без наследников, издает «Устав «О наследии престола». Суть его сводилась к следующему: «...заблагоразсудили Мы сей устав учинить, дабы сие было всегда в воле Правительствующего Государя, кому Оной хочет, тому и определяет наследство и определенному, вида какое не потребно, паки отменить...» То есть имя наследника не называлось и нарушалась традиция престолонаследия, существовавшая до этого: передача престола сыну, обычно старшему, либо избрание Земским собором. Именно этот указ стал причиной череды дворцовых переворотов в России XVIII века, пока не был отменен Павлом I.

В апреле данному указу присягнули жители столицы Сибирской губернии Тобольска. А вот в Таре вышла заминка.

20 мая в заговенье Петрова поста сержант И. Островский привез указ в Тару и 21 мая объявил о нем коменданту Глебовскому. Но еще за несколько дней до прибытия сержанта Островского жители Тары знали о содержании указа и на шумных «сеймах», собраниях, в основном во дворе казачьего полковника Ивана Гавриловича Немчинова, обсуждали указ и решали присягать или нет. Для верности до объявления указа сняли копию с него, дав по пять рублей подьячему Андреянову и сержанту Островскому. Так и есть — имя наследника не названо! А значит, правы казаки Василий Исецкий и Петр Байгачев, толкующие по книге Кирилла Иерусалимского, что грядет безымянный Антихрист, не от царя, не от царского колена, восхитит царскую и святительскую власть и указано прямо, что от сотворения мира то будет в 7230 году, т. е. 1722 году. И про царя говорили, что «он небагогостность держит, бороды бреет, он де сам Антихрист». Присягать же Антихристу — лишиться жизни вечной!

22 мая жителям объявлено о присяге. Казаки просили у коменданта Глебовского отсрочки и получили ее до 27 мая. А все эти дни шумели на «сеймах», воз-

можно, посылали гонца за советом к отцу Сергию, видному расколоучителю, проживавшему в скиту у реки Ишим. Он был духовным отцом многих казаков. Да и сам комендант Глебовский уважал его, даже послал в скит соль. В конце концов казаки и посадские решили не присягать безымянному наследнику и написали «противное» («отпорное») письмо, в котором объясняли причину отказа.

27 мая, в день приведения к присяге, подали это письмо коменданту Глебовскому на паперти Соборной церкви при большом стечении народа. Тот велел прочитать письмо вслух подьячему Григорию Андреянову, что тот и сделал. Позднее на допросе Глебовский говорил, что «велел прочесть вслух, для того что не ведал, что в оном письме написано». Затем он вернул письмо полковнику Немчинову и велел подписаться тем, кто отказывается.

30 мая в Тарскую канцелярию к Глебовскому пришли полковник Немчинов, дворянин Василий Чередов, сотник Борис Сидельников, пятидесятник Иван Жаденов и еще несколько человек и вручили ему письмо, которое подписали 228 человек. Вот, что было написано в том письме: «У присяги Клятвенное обещание определенному в наследники и о уставе означено, а какова роду и какова чину, и кто именем и каков устав будет, и о том имянно не означено. И мы зч такова неведома наследника клятвю не клянемся, слова и креста не целуем, и рук не прикладываем. А ежели буде от царского рода наследник будет, и устав святыя соборныя апостольския церкви и седми вселенских соборов и помесных и евангельския проповеди и апостольским учением, и мы за такова наследника и за устав святыя восточныя соборныя апостольския церкви и евангельскую проповедь и апостольское учение со всеусердием и радением с подписанием рук своих Святое Евангелие и крест целовать будем. Тарского города городовые и всех разных чинов жители с домами своими и с детьми».

Но уже за день до подачи этого письма Глебовскому в Тобольск был послан донос земского судьи Лариона Верещагина, в котором он, в частности, писал: «...у тарских жителей в граде и в уезде дума худая; мане месяце 27 день градские и уездные люди к присяге не пошли, а из них небольшие люди к присяге пошли, а возмутил ими тарского ж города полковник Иван Гаврилов с небольшими людьми. Да к нему ж в думу и сейму недобрую приехали с пустынн...»

Получив донос 5 июня, власти действовали быстро. Арестовали несколько человек тарчан, бывших в Тобольске по делам, и допросили их, одного, Алексея Маладовского, с пристрастием: В допросах участвовали губернатор Алексей

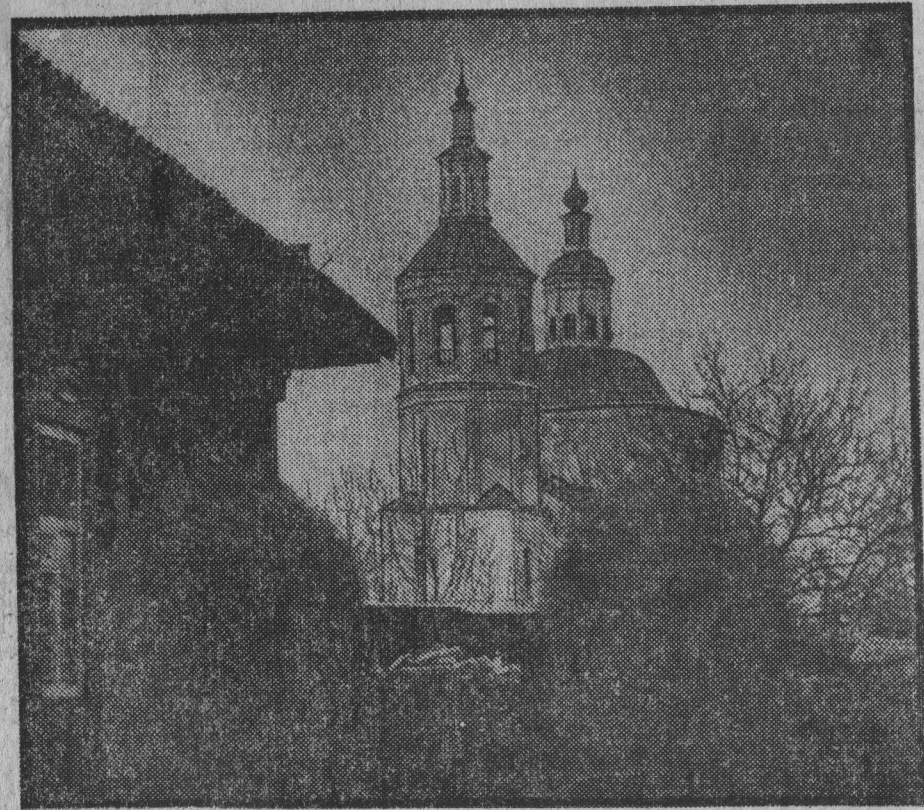
Черкасский и вице-губернатор Петрово-Соловово. В результате допросов узнали о зачинщиках и квалифицировали действия тарчан как измену.

И уже 6 июня из Тобольска был отправлен карательный отряд под командованием полковника Батасова общей численностью 600 человек: 400 человек солдат Московского и Санкт-Петербургского полков (тех, что ходили с основателем Омской крепости Бухолцем) и 200 служилых татар. В одном из пунктов инструкции, данной Батасову, говорилось: «А ежели они в прибытие твоему покажут противность и запрутся в город, и взять себя не дадут, то поступать тебе с ними военным порядком, только, по возможности, людей от излишней утраты и город от большого разорения сохранять». В отряде было четыре пушки и четыре мортиры.

А в Таре события тоже не стояли на месте. Последовала череда доносов. В дело вступили фискалы Серебров и Шильников. Два доноса подали в Тарскую канцелярию Глебовскому на невестаного сына боярского Петра Грабинского за то, что он выскреб себя из отпорного письма и внес подпись в присяжные книги. Волей-неволей комендант Глебовский вынужден был начать аресты. Среди первых были Василий Исецкий и Яким Шерапов. Петр Байгачев бежал в скит к отцу Сергию.

13 июня в город внезапно вошли 100 солдат под командой капитана Ступина, а 16 июня основные силы под началом полковника Батасова. Сопротивления им не было. Казаки заперлись в трех дворах: полковника Ивана Немчинова, казака Ивана Падуши и казачьего сына Ивана Казачихина — «всего мужеска и женска полу сто семнадцать человек» — и угрожали сжечься. Полковник Батасов запросил Тобольск, как поступать с засевавшими. Вскоре пришла инструкция, как штурмовать. В результате переговоров из дома полковника Немчинова вышли 49 человек, а 19 взорвались, но не погибли: «И от того его зажжения тутошним жителям и другим чинам вреда не учинилось никакого, его полковника и оставших товарищей его никого не убило, токмо жестоко обгорели и четырнадцать человек от того лежат при смерти, а пять человек, которые не жестоко обгорели, взяты под арест». Немчинов был жив еще семь часов, и его успели допросить. Уже мертвое тело его было четвертовано и растыкано по колыям и копыям. Кто это сделал — неизвестно. Батасов же писал в Тобольск, что велел похоронить Немчинова у часовни.

После этого Иван Казачихин тоже вышел, а вот Иван Падуша сидел в своем доме с одиннадцатью казаками аж до 16 октября, грозя взорвать себя. Позднее выяснилось, что в трех бочонках у него был не порох, а песок.

С приходом отряда Батасова постоянно шли аресты и допросы. Подписавшиеся под письмом казаки стояли на своем: если имя будет указано, то к присяге пойдем, если нет — не пойдем.

27 июля полковник Батасов отправляет в Тобольск первую партию арестантов — 74 человека, сообщив, что 153 отправить не на чем. Среди арестантов дворяне Череды: Василий, Иван, Яков, дети боярские, сотники, пятидесятники, казаки, а также и сам комендант Глебовский. На последнего Аника Переплетчиков подал донос, что он «чинил поноровку» изменникам.

23 августа отправлено еще 114 человек. Но следствие не прекращается, а напротив по указанию из столицы ужесточается. По указу Сената создана специальная Тарская канцелярия розыскных дел во главе с вице-губернатором А. К. Петрово-Соловово. 9 ноября его отряд внезапным налетом захватил скит отца Сергия, где собралось около 170 человек, пригрозивших сжечься. Захвачено много книг и рукописных и печатных. 3 июня Петр I, «будучи в Бюстракской коллегии», лично рассматривал реестр книг, конфискованных в ходе розыска, и приказал Синоду сжечь их, оставив только две книги.

Собственно, захватом скита отца Сергия и завершается копиями следственное дело. Остальные события в какой-то мере реконструируются по другим документам. К таким документам относятся, например, любопытное «подлинное дело солдата Микулина с товарищами».

Случилось это уже в марте 1723 года. Рьяный земский судья Ларион Верещагин подал донос на полковника Батасова, обвиняя его в поноровке и хлебничании бунтовщикам, в канцелярию розыскных дел. А еще через несколько дней подал донос и солдат Исаа Мику-

лин, утверждая, что слышал, как Ларион Верещагин называл полковника Батасова изменником. «Понеже она важность касается по второму пункту», полковник Батасов, Ларион Верещагин, солдат Микулин, сержант Данила Львов, подьячий Сабуров и писарь Паклин были закованы в железа и отправлены в Москву в Преображенский приказ. В ходе следствия выяснилась невиновность Батасова, а за Ларионом Верещагиным открылось два убийства. Тем не менее, притворившись умирающим, Ларион Верещагин сумел бежать. В полицейстерскую контору были сообщены его приметы, но беглеца не нашли.

Итогом розыска были казни. Так отца Сергия четвертовали. Сколько же было казнено всего, кто был казнен и как, точно неизвестно. Сотни и даже тысячи казненных из-за Тарского бунта, как утверждают некоторые историки, явно не соответствуют действительности, поскольку под письмом подписались всего 228 человек, и остальных, вроде, казнить не за что. Если, конечно, не считать многочисленных самосожжений, ставших реакцией на гонения после Тарского бунта. Так, только в Пышменской и Елунской горах погибло соответственно 400 и 600 человек. Кстати сказать, сын полковника Немчинова пошел по стопам отца, стал видным расколоучителем и в 1756 году сжег себя со 172 раскольниками в деревне Мальцево.

Сохранилось прошение нового сибирского губернатора князя М. Долгорукого от 15 ноября 1728 года о невысыкании подушного налога с выбывших тарских душ, из которых 34 человека казнено и 150 сослано на галеры. Эти цифры, пожалуй, ближе к истине.

Павел БРЫЧКОВ.